

диктуется въ этой области все новые и новые законы природы. Кому еще дорога дѣятельность нашего разума, складывающаго изъщченія по опредѣленіямъ правиламъ, тотъ ищетъ спасенія въ скептически окраинномъ рационализмѣ пріятіемъ многихъ логически мыслимыхъ міропорядковъ. Проф. Лосскаго «удручающая бѣдность кантовскаго міра» побуждаетъ подвергнуть догматическая предпосылки теоріи знанія Канта блестящей, уничтожающей критикѣ (Об. инт., 97-137) и искать выхода за предѣлы кантовскаго міра въ непосредственномъ созерцаніи дѣйствительности и въ сверхчувственномъ опыте.

Г. Ловцкій

Проф. И. И. Лапшинъ. *Філософія изобрѣтенія и изобрѣтеніе въ філософіи.* Т. I. Пламя. Прага, 1924.

Оригинальный замыселъ автора дать введеніе въ философію вида психологического и философского анализа процесса изобрѣтенія въ положительныхъ наукахъ и философии разбивается не столько о груду набраннаго пестраго матеріала, сколько о прочную установку проф. Лапшина въ духѣ кантовскаго критизма. А между тѣмъ тема несомнѣнно живая, таинливая и при громадной орудиціи и начитанности автора мы бы могли получить въ высшей степени интересное философское изслѣдованіе, еслибы нашъ ученьи заразѣ и сознательно не подрѣзаль крылья всякому творчеству въ философіи.

Накопленія обширныя знанія и ясныя, отчетливые понятія, мы получаемъ цѣнныя болѣшія посыпки; комбинаціонная способность творческаго воображенія даетъ намъ возможность обнаружить находчивость, аристотелевскую «прощительность» въ выборѣ подходящей меныше посыпки; остается сопоставить эти две посыпки, и выводъ въ видѣ нового синтетического сужденія аргументомъ самой собой просится — изобрѣтеніе готово.

Развиваемая авторомъ «логика открытій» не мертвая механическая схема, которой «всякій дуракъ можетъ воспользоваться»; — нужна еще творческая догадка, комбинаціонная способность диапаратныхъ двухъ логическихъ рядовъ и обособленныхъ сферъ явлений. Но такъ какъ эти творческія догадки приводить и въ синтетический сплогизмъ и въ процессъ наведеній, где мы работаемъ по 1) методу совпаденія (наведеніе отъ бытія одного фактора къ бытію другого), соответствующему категоріи реальности, 2) методу различія (наведеніе отъ небытія одного фактора къ небытію другого), опирающемуся на категорію отрицанія и 3) методу остатковъ, содѣйствующему устраненію исключений, аномалий, то мы съ авторомъ никогда не рискуемъ попасть въ область творческаго *fatal*. Какъ въ области творческаго возсозданія историкомъ прошлаго, историческаго «фантасма», проф. Лапшину дорога догадка о логически мыслимомъ «средицѣ человѣкѣ», таинъ онъ изъ области философіи безжалостно выбрасываетъ весь опытъ, который не освѣщается ровнымъ повседневнымъ свѣтомъ.

логически творящаго сознанія. Паскаль и Ницше благодаря этому попадаютъ у него въ скептики, а десять аргументовъ Джемса противъ допущенія безсознательнаго въ психической жизни, приведенныхъ американскимъ ученымъ въ его «Основаніяхъ психологіи», перевѣшивають въ глазахъ проф. Лапшина все «Многообразіе религіознаго опыта»: гипотеза запредѣльной душевной жизни «самопротиворѣчива»; «психическое состояніе есть только другое слово для состоянія сознанія, поэтому здесь пришлось бы говорить о безсознательныхъ состояніяхъ сознанія, что нелѣпо».

Такъ, логическое благообразіе празднуетъ слишкомъ легкую побѣду надъ «нелѣпостью», беззаконіемъ творческихъ откровеній въ философіи — *pereat mundus, fiat scientia!* Наукообразно построенная теорія изобрѣтенія, конечно, иначе судить и не можетъ: для нея задача философіи заключается въ стремлениі «привести человѣческое знаніе къ стройному единству, — свободному отъ внутреннихъ противорѣчій и согласующемуся съ данными міра опыта». Если же опытъ захлестываетъ своими волнами созданное ю искусственное единство, и философъ начинаетъ прислушиваться къ страннымъ таинственнымъ голосамъ, доносящимся изъ темной загадочной области, не освѣщенной свѣтомъ логической посредневности, то критическая философія презрительно называетъ это вѣрой или понижениемъ уровня философской мысли до миотворчества; опасные рифы, поворотные пункты въ исторіи философіи, гдѣ логическая связь разъ навсегда разрывается, вродѣ анамнезиса Платона, «бѣгства» къ Единому Плотина, сю щательно избѣгаются, и все творчество въ философіи сводится къ сѣрой теоріи нахожденія недостающаго звена въ замкнутой логической цѣнѣ путемъ «внезапнаго сопоставленія двухъ сужденій», изъ которыхъ одно, по крайней мѣрѣ, синтетично; творческий актъ мысли разлагается на элементы, необходимые и по существу, и по опредѣленіямъ связямъ, а самыи существенный элементъ неожиданности, прыжокъ въ неизвѣстность, *fiat произвола, creatio ex nihilo* исчезаютъ безслѣдно.

Когда какой нибудь ярій художественный пріемъ, поражавшій насъ новизной, дѣлается добычей повседневной техники, онъ сразу приобрѣтаетъ логическую связность, послѣдовательность, которая такъ глубоко отличаетъ произведение непосредственности отъ творческихъ озареній «безумца, гуляни празднаго»: онъ тогда созрѣваетъ для «логики открытій», какъ ее развиваетъ проф. Лапшинъ. Если бы нашъ ученый затратилъ хоть часты усиій, употребленіыхъ имъ на создание своей логической схемы и подборъ подходящаго къ ней матеріала, на освѣщеніе тѣхъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи человѣческой мысли, когда *вопреки* всякой логикѣ происходять величія открытія, творческие прорывы и озаренія, могла бы получиться необыкновенно интересная работа въ *pendant* къ «Многообразію религіознаго опыта» В. Джемса. А теперь получилось то, что и великаго аме-

риканского ученаго приводило въ отчаяніе, когда онъ оглядывался по временамъ на свою философскую дѣятельность: груда исписанныхъ логическими разсужденіями листовъ. Эту «науку» можно хоронить и хоронить не разъ: она всякий разъ оживаетъ съ неумолимостью и неизбѣжностью, съ которыми только никогда не жившее можетъ по произволенію человѣческому воскреснуть.

Г. Ловцій

Dr. D. Gawronsky. Die Relativit tstheorie Einsteins im Lichte der Philosophie. — Ein neuer Beweis der Lorentz-Transformationen. — Bern. 1924.

Dr. D. Gawronsky. Das Tragheitsgesetz und der Aufbau der Relativit tstheorie. — Bern. 1924.

Теорія относительности, съ момента своего появленія, встрѣтила въ ученомъ мірѣ восторженныхъ сторонниковъ и страстныхъ противниковъ. Успѣхъ теоріи объясняется возможностью объяснить, исходя изъ ея принциповъ, пѣкоторые факты физики и астрономіи, остававшіе до сихъ порь необъясненными, могучимъ и оригинальнымъ математическимъ аппаратомъ ея и видимымъ открытиемъ ею безпредѣльныхъ перспективъ научнаго обобщенія. Критики же видѣли слабую сторону новой теоріи въ томъ, что если она и объясняетъ одно, то она оставляетъ безъ объясненія многое другое и даже дѣлаетъ необъяснимымъ то, что прежде удовлетворительно объяснялось, исходя изъ классическихъ теорій (напр. эфиръ и оптика). Въ особенности же рѣзко критика обрушивалась на основныя предпосылки и гипотезы теоріи относительности, находя ихъ парадоксальными и даже мистическими.

Нельзя отрицать, что въ теоріяхъ Эйнштейна-Минковскаго и всей школы относительности есть элементы, которые отдаляютъ ихъ отъ раціоналистического духа точной науки. Прогрессъ науки до сихъ порь былъ прогрессомъ не только обобщенія принциповъ, но и раціоналистической ясности принциповъ. И если гипотезы и выводы теоріи относительности сильно обобщаются и объединяютъ комплексъ извѣстныхъ научныхъ данныхъ, то это достигается въ ущербъ той ясности, которая является потребностью нашей духовной организаціи. Такова идея зависимости времени отъ пространства и пространства отъ времени, въ специальной теоріи относительности. Такова идея криваго, неоднороднаго пространства, въ общей теоріи относительности. Объясненіе получается, повидимому, путемъ введенія неясности. Кажущаяся сила философіи относительности есть и кажущаяся слабость.

Нашъ соотечественникъ Д. Гавронскій, приват-доцентъ Берлинскаго Университета, посвятилъ двѣ книжки анализу теорій Эйнштейна въ философскомъ ихъ освѣщеніи. Д. Гавронскій признаетъ себя эйнштейніанцемъ, но занимаетъ независимую